

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ В СИБИРСКОМ ОТДЕЛЕНИИ АН СССР

Академик А. П. Окладников

История Сибири издавна привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Прошлое Сибири, «золотого дна», края колоссальных возможностей, богатствами которого, по крылатому выражению М. В. Ломоносова, должно «прирастать российское могущество», еще в первой половине XVIII в. вдохновило Г. Ф. Миллера на создание огромного труда — «Описание Сибирского царства». В наше время, когда богатствами Сибири «прирастает» могущество Советского Союза, сибирские историки-сибиреведы призваны исследовать и по-новому, в свете ленинских идей представить прошлое Сибири, историю населяющих ее народов; показать героическую борьбу рабочего класса и крестьянства за новую, социалистическую Сибирь. За последние десятилетия во всех крупных городах Сибири сложились центры исторических исследований. Возникли местные исследовательские школы с собственными традициями. Наряду со старыми и новыми замечательными вузовскими ячейками таких изысканий (например, в Томске — «сибирских Афинах», как его называли в XIX в., или в Иркутске, не без оснований оспаривавшем эту славу, в Кемерове, Чите, Якутске и др.) возникли и академические центры. Появились исследовательские учреждения историков в системе АН СССР. Сначала в 1940 г. во Владивостоке был образован Отдел истории, археологии и этнографии Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР; затем в 1961 г. в Новосибирске Сектор истории Института экономики и организации промышленного производства, а с 1966 г. самостоятельный Институт истории, филологии и филологии (ИИФиФ) СО АН СССР. Давно сложился и эффективно трудятся такие ячейки и в национальных республиках и областях Сибири: Якутии, Бурятии, Туве, Хакасии. В данной статье речь идет о тех работах, которые ведутся в Институте истории, филологии и философии¹.

Весной 1974 г. общее собрание Отделения истории АН СССР, обсудив вопрос об организации исторических исследований в Сибири, отметило, что коллектив института «достиг важных результатов в своей научной деятельности. Институтом совместно с Бурятским институтом общественных наук, Якутским институтом языка, литературы и истории и др. учреждениями создан ряд трудов по древней истории Сибири, по истории Сибири эпохи феодализма и капитализма, по археологии и этнографии. Сотрудниками института изданы работы по истории Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири, по истории социалистической индустриализации и коллективизации, советского рабочего класса и крестьянства, по истории национального строительства и перехода народов Сибири к социализму по некапиталистическому пути, по истории

¹ При написании статьи использованы материалы, предоставленные В. А. Алексеевым, О. Н. Вилковым, Э. В. Гоголевым, Л. М. Горюшкиным, И. И. Комогорцевым, В. С. Познанским, Н. Н. Покровским.

сибирского тыла в Великой Отечественной войне. Развернута также исследовательская работа по археологии и истории Центральной Азии. Сибирским отделением Археографической комиссии проделана огромная работа по сбору ценных памятников древней письменности». Отделение истории АН СССР с удовлетворением подчеркнуло, что Государственной премии СССР удостоен пятитомный обобщающий труд «История Сибири».

Институт истории, филологии и философии СО АН СССР был создан в 1965 г. на базе существовавшего с 1961 г. отдела гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства АН СССР. Задачи нового института определялись следующим образом: развитие гуманитарных наук в Сибири с целью содействия строительству коммунизма путем разработки актуальных проблем социального и коммунистического строительства, воспитания нового человека, формирования коммунистического мировоззрения, этики и морали, борьбы с буржуазной идеологией; укрепление контактов между общественными и естественными науками путем совместной разработки актуальных смежных проблем. Исходя из этих задач институт осуществляет разработку проблем истории, археологии, этнографии, философии и филологии; общее научно-методическое руководство работой учреждений СО АН СССР в области этих дисциплин; координацию работы научных учреждений и вузов по истории, филологии и философии, относящихся к Сибири и Дальнему Востоку.

В области истории институт ведет археологические исследования по проблемам древней истории Сибири и Дальнего Востока, а также соседних стран зарубежного Востока. Вместе с лингвистами и специалистами по средневековому Востоку археологи изучают историю культуры народов Сибири и их культурно-этнические связи с народами Центральной и Восточной Азии. Институт исследует проблемы истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, а также историю социалистического и коммунистического строительства в Сибири. Основными направлениями деятельности института являются: история коренных народов Сибири, их переход к социализму, минуя капиталистический способ производства; особенности коллективизации и индустриализации в национальных республиках и областях Сибири; изучение истории классов и социальных групп при феодализме, капитализме, социализме; история культурного строительства; изучение социально-этнических процессов в многонациональной Сибири, формирования племен, народностей и наций; социологические проблемы образования и воспитания молодежи.

Основной труд института — пятитомная «История Сибири», изданная в 1968—1969 гг., — получил высокую оценку в СССР² и за границей³. В Токио вышел из печати один из трех томов, намеченных к изданию в Японии, посвященный советскому периоду. Президент университета Токаи, издавшего эту книгу, председатель Японской ассоциации культурных связей с зарубежными странами проф. Мацумаэ заявил в беседе с нашими товарищами, что она поможет общественности Японии увидеть реальную картину прошлого и настоящего Сибири. Издание этой книги

² См., например, С. М. Троицкий. Новый труд по истории Сибири. «История СССР», 1969, № 1; М. С. Симонова, В. А. Твардовская. Рец. на третий том. «История СССР», 1969, № 6; И. Волков, А. Преображенский. История великого края. «Правда», 7. VII. 1970; Н. Носов, В. Дякин, Г. Соболев. Новый капитальный труд сибирских историков. «Коммунист», 1974, № 4; П. И. Борисковский, Н. Н. Гурина, В. М. Массон. Рец. на первый том. «Советская археология», 1974, № 1; М. Д. Хлобыстина. Рец. на первый том. «Советская археология», 1974, № 4.

³ См., например, рец. на первый том: J. Schwidetzky. «Homo». Cöttingen. 1969. Bd. XX, H. 1.

в Японии, по его мнению, полезно и с точки зрения противодействия антисоветским концепциям Пекина, распространяемым с целью подогревания недоброжелательного отношения японцев к СССР.

Значение «Истории Сибири» для развития исторической науки в Сибири и на Дальнем Востоке, на востоке нашей страны в целом трудно переоценить. Появление сводного обобщающего труда соответствовало размаху социалистических преобразований, широте диапазона экономического, социального и культурного строительства Сибири; отвечало назревшей потребности в широком общем взгляде на эти грандиозные по своим масштабам исторические процессы.

Учеными Сибири ранее были осуществлены крупные исследования по истории отдельных городов и областей края, созданы коллективные обобщающие труды по истории Якутии, Бурятии, Тувы, выпускалась литература по различным проблемам сибирской истории. Но тем острее становилась потребность в синтетическом, региональном по охвату анализе событий, происходивших в течение тысячелетий на огромных пространствах между Уралом и Тихим океаном. В выявлении не только своеобразия, особенностей, но и общих закономерностей исторического процесса. В первую очередь — взаимосвязей между далекими некогда окраинами и центром, между населявшими и населяющими эти пространства народами и другими народами нашей страны, в том числе русским народом.

Как показано в «Истории Сибири», процесс присоединения Сибири к России не имеет ничего общего с примитивной концепцией завоевания ее российским оружием (о чем писали дворянские историки XVIII—XIX вв.), а также с теорией о том, что Сибирь была освоена торговым капиталом, что главными деятелями этого процесса были купцы и частные предприниматели, охотники за ценными мехами — валютным сырьем того времени.

Суть событий, перекроивших и в полном смысле слова перевернувших историю этой обширной части Азиатского материка, в другом — в потребностях и закономерном развитии Русского многонационального государства. В экономически обусловленном естественном складывании его территорий к востоку от Урала. В интересах также и класса непосредственных производителей феодально-крепостнической эпохи — крестьян, которые явились основными деятелями этого всемирно-исторического по своим масштабам процесса.

Присоединение Сибири к России имело, наконец, положительные последствия и для коренного населения Сибири, для преодоления им вековой отсталости и изоляции от передовых стран, конкретно — России. Народы Сибири получили защиту и от внешней опасности, от поглощения китайско-маньчжурскими феодалами, носителями самых отсталых и варварских форм феодального гнета. Главным действующим лицом этих прогрессивных перемен был русский народ, сначала крестьянин, а затем рабочий. Нельзя, следовательно, рассматривать историю народов Сибири на всех ее этапах вне связи с русской историей, с историей других братских народов нашей страны. И это обстоятельство становится предельно ясным, выступает с особой силой, когда речь идет о революционном движении, об Октябрьской революции, о социалистическом строительстве.

Именно такой региональный подход и синтетический взгляд авторов «Истории Сибири» на сложную и беспорядочную на первый взгляд мозаику исторических фактов позволили обнаружить внутреннюю диалектическую логику событий. Это помогло преодолеть такие «подводные камни», как влияние традиционного для буржуазной науки «европоцентризма» или столь же реакционного «азицентризма», дать отпор маоистам, фальсифицирующим историю азиатских народов, стремящимся выдвинуть тезис об «извечном приоритете» Китая и китайцев по отношению ко всем

остальным народам и странам этого континента. Отдавая должное древней культуре Китая, историческому опыту, большим достижениям, таланту и трудолюбию китайского народа, нельзя забывать, что на протяжении всей истории человечества свои собственные культурные ценности создавали соседние с Китаем страны и далекие от него народы, что у них чел самостоятельный, прогрессивный по характеру, исторический процесс. Это неоспоримый факт, что даже в самые отдаленные времена совершался широкий обмен культурными ценностями, происходило взаимодействие народов Сибири и их культур, притом не только с Востоком, но еще полнее и глубже с Западом, то есть со Средней Азией, Причерноморьем, лесными областями Европейской части РСФСР. Этот интернационалистский, ленинский взгляд на судьбы народов Азии контрастно противопоставит «шовинизму «европоцентристов» и «азиацентристов» маоистского типа.

Региональный подход помог преодолеть и тенденции к узколокальному анализу исторических фактов, к стремлению замкнуться в рамках какой-то одной народности или территории, стремлению, которое чревато тенденцией к национальной ограниченности, позволяет примирительно относиться к пережиткам буржуазного национализма; к таким явлениям, как идеализация патриархально-феодалного прошлого, отдельных реакционных деятелей, идеологов буржуазного национализма. Не удивительно поэтому, что носившаяся в воздухе мысль о создании первой марксистской истории Сибири с древнейших времен до наших дней была с энтузиазмом встречена и поддержана всеми историками Сибири как на местах, так и в центре. В работе по ее созданию приняли участие многочисленные исследователи во всех сибирских городах, Москве и Ленинграде. Важнейшим условием успешной работы над «Историей Сибири» явилась поддержка Отделения истории АН СССР, а также институтов археологии, этнографии и истории СССР АН СССР. В ходе работы образовалось творческое содружество историков-сибиреведов и представителей других, притом не только гуманитарных, но и естественных наук.

Общий комплексный подход способствовал более глубокому анализу исторических явлений. Создание «Истории Сибири» активизировало также рост кадров историков-сибиреведов, способствовало повышению их профессионального уровня, расширению всего фронта исследований, поскольку потребовало более глубокого рассмотрения всех проблем прошлого Сибири на широком историческом фоне.

Работа над «Историей Сибири» явилась мощным стимулом для дальнейшей плодотворной деятельности историков-сибиреведов и после выхода в свет этого многотомного труда. На очередь встали крупные коллективные работы более специального, но тоже регионального характера. Такова прежде всего «История рабочего класса и крестьянства Сибири». Основной базой и организатором этой работы также является ИИФ СО АН СССР. Вместе с академическими учреждениями Сибири и центра в подготовке нового обобщающего труда принимают участие работники вузов и других научных учреждений, в первую очередь архивов, местных и центральных.

Немалую пользу принесли проведенные институтом в 1974 г. симпозиумы по центральным проблемам истории рабочего класса, крестьянства, а также интеллигенции Сибири. Первый из них был посвящен ведущей роли рабочего класса в эпоху развитого социализма и проводился в Шушенском, в Ленинском мемориале, при содействии Красноярского крайкома КПСС⁴. Более специальный характер имел второй симпози-

⁴ «Рабочий класс Сибири в условиях развитого социализма». Тезисы докладов научного симпозиума. Красноярск. 1974.

ум, организованный 19—21 ноября 1974 г. в новосибирском Академгородке, где обсуждались изменения в составе и культурно-техническом уровне рабочего класса и крестьянства Сибири⁵. Изданные к симпозиумам материалы являются наглядным свидетельством широты постановки проблем и внимания к ним не только историков, но и широких кругов партийно-советской общественности.

Кроме «Истории Сибири», коллектив института опубликовал ряд крупных монографий, сборников и большое количество статей по различным проблемам истории от каменного века до наших дней⁶.

Археологические исследования в Новосибирском научном центре начаты были еще в 1960—1961 годах. По территориальным масштабам и по тематике они являются продолжением работ, проводившихся ранее Ленинградским отделением Института археологии АН СССР. В настоящее время в ИИФиФ СО АН СССР ведутся археологические исследования в области палеолита, неолита, эпохи металла на территории Сибири и Дальнего Востока, а также Центральной Азии (МНР) и отчасти других стран Азии, соседних с Сибирью.

Классические памятники сибирского палеолита в долине р. Енисея (такие, как знаменитая стоянка Афонтова Гора, группа кокоревских стоянок) относятся к концу ледниковой эпохи. В абсолютных цифрах, полученных в результате применения радиоуглеродного анализа, эти памятники датируются временем около 20 тыс. лет назад. Этот факт, казалось, мог свидетельствовать о сравнительно позднем времени заселения человеком колоссальных пространств от Урала до Тихого океана. Как известно, в Восточной Азии были обнаружены остатки синантропа и вещественные следы его деятельности около 300 тыс. лет назад; на Урале, в том числе на севере Уральского хребта,— мустьерские памятники. Сибирь же, согласно этим представлениям, была в ту пору безлюдной пустыней. Тем важнее открытие в 1961 г. на Алтае, в г. Горно-Алтайске (на р. Улалинке) древнейшего из обнаруженных в настоящее время на территории Сибири палеолитических поселений. Раскопки эти велись А. П. Окладниковым и А. П. Уманским при участии геологов В. Н. Сакса, С. Л. Троицкого, И. А. Волкова.

Важным обстоятельством является тот факт, что каменные изделия залегают на Улалинке в необычных для палеолита Сибири геологических условиях, указывающих на глубокую древность этих находок, резко превосходящую возраст всех остальных датированных геологическими данными палеолитических памятников Сибири. Последние связаны с обычными лёссовыми отложениями позднего плейстоцена, на Улалинке же древнее поселение залегают в подстилающих их галечно-валунных суглинках. В таких отложениях, как правило, и находятся древнейшие, нижнепалеолитические памятники Западной Европы и Южной Азии.

Ориентировочно время образования слоя, подстилающего слой с каменными изделиями, по С. Л. Троицкому, можно отнести в рамках европейской геохронологической схемы к риссьюрму или еще более раннему периоду. Иначе говоря, этот момент геологической истории Сибири датируется временем 150 тыс., а возможно, и 200 тыс. лет назад, если не более. Следовательно, появление человека на Улалинке можно отнести к позднему ашелю Европы, если не ранее. По сибирской геохронологической схеме это время падает на конец тазовского ледникового этапа — начало казанцевского межледниковья.

⁵ «Изменения в составе и культурно-техническом уровне рабочего класса и крестьянства Сибири». Тезисы докладов и сообщений всесоюзного симпозиума (Новосибирск. 19—21 ноября 1974 г.). Новосибирск. 1974.

⁶ «Труды сотрудников Института истории, филологии и философии СО АН СССР (библиография за 1961—1973)». Новосибирск. 1974. В предисловии Р. С. Русакова дан общий обзор истории и деятельности института. В книге учтены работы (2 102 названия) только сотрудников института, вышедшие в указанный период.

Этим определяется особый интерес к каменному инвентарю Улалинки, который имеет галечный облик, — исходным и абсолютно преобладающим материалом для него были расщепленные гальки. Расщепление их производилось столь же примитивным, как и специфическим, способом. Галька, обычно плоская, овальная, кололась вдоль на две равные или почти равные части, плоскоовальные в поперечнике. Имеются данные, позволяющие предполагать распространение и еще более примитивной и также специфической для Улалинки техники: расщепление нагретых на костре кварцитовых валунов с помощью холодной воды — «огневая техника», известная и по этнографическим материалам. Обычными для Улалинки являются гальки, слегка заостренные на одном конце ударами вдоль длинной оси. Это своего рода проторубила. Среди изделий определенной, вполне выработанной формы встречаются галечные орудия с широким поперечным лезвием — чопперы. Имеются также образцы галечных скребел, у которых один широкий край превращен ретушью, обычно ступенчатой, в выпуклое лезвие. Примечательно, что в обработанном камне Улалинки абсолютно господствует одна и та же порода — кварцит, которая характерна и для инвентаря других архаичных памятников древнего палеолита. На этом раннем этапе развития техники обработки камня в Северной и Восточной Азии человек (например, синантроп) явно предпочитал кварцит другим, даже легче обрабатываемым породам камня.

Находки эти свидетельствуют, таким образом, о том, что человек появился на Алтае в неожиданно раннее в сравнении с прежними представлениями время. Даже не десятки, а сотни тысячелетий назад существовал здесь древнейший очаг подлинно начальной человеческой культуры. Алтай, возвышающийся над обширными пространствами Западно-Сибирской низменности, подвергавшейся трансгрессиям Мирового океана, нужно думать, был одним из древнейших центров расселения человека на нашей планете на север и восток Азиатского материка.

Столь же важны для истории освоения Сибири первобытным человеком еще на стадии архантропа, предшественника классического неандертальца, новые открытия археологов СО АН СССР на Дальнем Востоке и в Монголии. На Дальнем Востоке обнаружены местонахождения остатков деятельности человека эпохи нижнего палеолита в районе с. Филимошки, в долине р. Зеи (раскопки А. П. Окладникова), в Усть-Ту, там же на Зее (раскопки А. И. Мазина) и в районе Кумар (раскопки Э. В. Шавкунова, А. П. Деревянко, Б. С. Сапунова), где некогда находился известный своим героическим сопротивлением маньчжуро-китайским агрессорам Кумарский острог. В Филимошках, Кумарах и в Усть-Ту в древних галечных отложениях найдены такие же в принципе галечные изделия, как и на Улалинском холме. То же самое наблюдается в Монголии, где древнейшими орудиями первобытного человека были частично обработанные гальки — чопперы и чоппинги.

Следующий принципиально важный для истории Северной Азии этап в развитии культуры древнейшего населения Сибири представлен рядом с ранее исследованными памятниками палеолита (Усть-Канская пещера на Алтае) вновь обнаруженным пещерным поселением (пещера Страшная, в Тигирекских горах), которое открыто там же, на Алтае (раскопки Н. Д. Оводова, А. П. Окладникова).

Исходным материалом для каменных поделок из палеолитического слоя пещеры Страшная служили речные гальки. Основная масса нуклеусов имеет черты ярко выраженной леваллуазской техники. Леваллуазским нуклеусам соответствуют аналогичные пластины. Дисковидных нуклеусов немного, призматические, то есть характерные для позднего палеолита, совершенно отсутствуют. Поражают обработанные ретушью пластины с площадкой в виде «треуголки», превращенные таким образом в остроконечники. Характерно единообразие галечно-леваллуазского

комплекса для мощного 5-метрового палеолитического слоя пещеры. Ее обитатели, несомненно, вели охотничий образ жизни.

Радиоуглеродный анализ кости в лаборатории Института геологии и геофизики СО АН СССР подтвердил, что возраст этих находок более 45 тыс. лет, то есть во всяком случае они не моложе позднемустье́рских памятников Европы. Отсюда следует важный вывод, что Алтай оставался важнейшим центром расселения древнейшего человека и в последующее время, на стадии среднего палеолита. Раскопки в пещере Страшная подтверждают поступательный характер развития человека того времени и его культуры по сравнению с более ранней эпохой. Выражается это в появлении техники леваллуа, которой свойственны более совершенные, принципиально новые способы расщепления камня. На смену гальке приходит специально подготовленный нуклеус, с которого и скалывались длинные и широкие пластины правильных очертаний в виде удлинённого треугольника.

Наряду с Алтаем леваллуазская техника среднего палеолита распространяется теперь и далеко на востоке, в Забайкалье и Монголии. Об этом свидетельствуют результаты раскопок на Санном мысу в долине р. Уды за Байкалом, на Титовской сопке в г. Чите, а также в Монголии.

Одним из важнейших опорных памятников леваллуазского палеолита Забайкалья является поселение Варварина Гора в Заиграевском районе Бурятской АССР (раскопки А. П. Окладникова, И. В. Асеева). Оно находится не на древней речной террасе, а на конусе выноса, в глубине долины под прикрытием скалистой возвышенности. Как показали раскопки, здесь в условиях относительно влажного и холодного климата располагалось поселение охотников на носорогов, диких лошадей и оленей. Интересно, что в подавляющем большинстве не только трубчатые кости, но даже эпифизы были расколоты. Этот факт свидетельствует, судя по этнографическим аналогиям, о том, что временами, и, может быть, часто, обитатели поселения испытывали голод и вынуждены были вываривать раздробленную кость (в берестяных сосудах на раскаленных камнях?). Среди костей животных, обнаруженных при раскопках, преобладают кости носорога и лошади.

Раскопками на Варваринной Горе вскрыта картина палеолитического жилища. Кости животных, обработанный камень — нуклеусы, пластины, отщепы, скребловидные инструменты — располагались в пределах четко ограниченной площадки, окаймленной выкладками из камней и ямами, вырытыми древними обитателями этих мест. Часть ям служила, нужно думать, хранилищами, «кладовками», как их назвал в свое время в Костенках П. П. Ефименко. Одна из таких «кладовок» имела выстланные камнями стенки и дно; в ней оказался череп хищника и около него целые, нерасщепленные (как это было в большинстве других случаев) трубчатые кости лошади. Если сопоставить это с находками в Костенках, то можно сказать, что это было, очевидно, культовое захоронение головы хищника, сопровождаемое жертвенным приношением частей лошади. Каменный инвентарь жилища на Варваринной Горе характеризуется леваллуазскими чертами. Нуклеусы здесь галечные и самые лучшие — двухплощадные леваллуазские. Пластины правильных очертаний, широкие, обычно массивные, в большинстве случаев вдоль одного или обоих краев оформлены ретушью. Имеется типично мустье́рский по форме и ретуши остроконечник треугольных очертаний. Есть также массивные скребловидные инструменты, в том числе один бифас. Изделия из кости представлены двумя небольшими шиловидными остриями. По характеру техники обработки камня, по фауне (носорог), а следовательно, и по времени Варварина Гора близка, должно быть, к таким поселениям, как Санний мыс, нижние слои которого датируются предшествующей сартанскому этапу зырянской стадией ледникового периода; к пещерам Страшной и Усть-Канской на Алтае.

Открытие на Алтае, в Забайкалье, а также в Средней Сибири (поселение Кемчуг в 90 км к западу от Красноярска) палеолитических памятников с леваллуазской техникой обработки кремня явилось, таким образом, весьма важным, можно сказать, переломным моментом в понимании истории освоения человеком Сибири, в истории палеолитической культуры Северной Азии. Эти памятники с их архаическими традициями подтверждают положение о глубокой древности заселения севера и востока нашей страны человеком, углубляют наши знания об этом процессе.

Исследования верхнего палеолита и докерамических культур, предшествующих неолиту (мезолит, эпипалеолит), позволяют проследить развитие и преемственность культуры древнейшего населения Сибири вплоть до начала решающего перелома в природной среде Северной Азии, когда заканчивается последний ледниковый период и возникают современные ландшафты. Наиболее значительные результаты получены в ходе раскопок на Алтае, а также в Западной Сибири, где эпоха палеолита была ранее изучена слабее, чем в Восточной Сибири. Общая картина сибирского палеолита становится теперь несравненно более сложной, чем это представлялось каких-нибудь 10—15 лет назад. Так, раскопки многослойного поселения в устье р. Куюм на Алтае (Е. М. Берс, А. П. Окладников) дали представление о развитии техники обработки камня от господства крупных скребел или скребловидных инструментов к мелким скребкам и вообще мелким орудиям, то есть о своего рода микролитизации каменного инвентаря (но без орудий геометрических форм). Следующая группа палеолитических памятников дает картину длительного существования леваллуазской в основе техники (стоянки Талицкая на Алтае возле Бийска, Кемчуг неподалеку от Красноярска).

Раскопки палеолитического поселения в г. Ачинске, открытого геологом Г. А. Авраменко, дали новый материал для решения старого вопроса о происхождении мальтинско-буретской культуры Приангарья. Там В. Е. Ларичевым найдены остатки такого же по типу жилища из костей мамонта, как в Мальте и Бурети. В кремневом инвентаре наблюдается аналогичное сочетание крупных галечных инструментов (чопперов, скребел) с мелкими изделиями «европейского» облика, в том числе с характерными выемчато-зубчатыми пластинками ориньяского типа. На Ачинской стоянке обнаружены и свидетельства существования художественной обработки кости: скульптура из бивня мамонта, представляющая собой стилизованный фаллос. Это—новое свидетельство против высказанных М. Г. Левиным и другими исследователями взглядов об автохтонности Мальты и Бурети. Носители этой культуры, несомненно, входили в обширную группу палеолитических племен Восточной и Западной Европы. На Ачинской же стоянке одно из таких племен, двигавшихся с Запада, временно останавливалось по пути с Урала к Байкалу.

Своеобразным явлением был палеолит без каменных орудий, «костяной палеолит», представленный местонахождением костей мамонта в Каргатском районе на Волчьей Гриве (раскопки А. П. Окладникова, Э. А. Алексеевой и др.).

По-своему, и тоже в сложных формах, шло развитие докерамических культур позднего палеолита и мезолита на Дальнем Востоке. Одним из древнейших памятников каменного века в Приморье является поселение-мастерская у д. Осиновки вблизи Уссурийска (раскопки А. П. Окладникова). В переложенной коре выветривания, в слое буро-красной глины, образование которой падает на межледниковое время, предшествующее, возможно, максимальному ледниковому периоду в горах Сихотэ-Алиня, то есть около 40 тыс. лет назад, сохранились своего рода рабочие площадки, на которых трудились мастера каменного века. Из галек беловато-зеленого вулканического туфа они выделяли необычные и странные на первый взгляд орудия, которые совмещают признаки ядрища — нуклеуса, сходного с леваллуазскими нуклеусами, и рубящего ору-

дия — чоппинга. Здесь произошло как бы совмещение на одних и тех же предметах галечной и леваллуазской техники. Такие же находки отмечены в ряде мест Приморья — на р. Мо у озера Ханка, на Ильюшкинской сопке в г. Уссурийске. Нечто подобное отмечается даже на Среднем Амуре у с. Бибилова выше Благовещенска.

Тот же путь развития культуры каменного века на основе галечной техники отражен новыми находками в Приморье в пещере Географического общества у г. Находки в устье р. Сучан (раскопки Н. Д. Оводова, А. П. Окладникова, Н. К. Верещагина, Е. Д. Лешока и др.). Вместе с костями мамонта, пещерной гиены, дикой лошади там оказались крупные отщепы, изготовленные характерным способом раскалывания галек поперечными ударами, без всякой подготовки ударной площадки, непосредственно по гладкой галечной корке. Имеются здесь и нуклеусы-галки, с которых скалывались такие пластины. Находки в пещере Географического общества, возраст которых, вероятно, несколько меньше, чем находок у Осиновки (35—25 тыс. лет), замечательны и тем, что указывают пути, по которым мамонт, а вслед за ним, видимо, и первобытный охотник проникли на Сахалин и Хоккайдо — по сухопутному мосту, соединявшему Приморье в ледниковое время с Японскими островами и Американским континентом.

Конец палеолитического времени отмечен в Северной Азии появлением двух широко распространенных элементов палеолитического или мезолитического инвентаря. Первый из них — это листовидные клинки, обработанные с двух сторон плоской ретушью «солютрейского облика». Они были найдены сначала на Ангаре — в поселении Верховенская Гора и в пади Ушанка, а теперь известны в Монголии, на Орхоне в наиболее поздних поселениях палеолитического облика, в том же районе, где находится Черемуховая падь. Такие клинки обнаружены и в Дюктайской пещере в долине Алдана. Они представляют собой характерный элемент культуры позднепалеолитического населения Японии, существовавшего одновременно с мадленом Запада, примерно 17—12 тыс. лет назад. Таков, видимо, возраст подобных клинков в Приморье, в верхнем слое богатого находками поселения-мастерской около Устиновки. Другой характерный элемент инвентаря устиновского поселения и устиновской культуры представляют резцы из пластин, у которых длинные края обработаны мелкой ретушью, а режцовый скол нанесен в диагональном направлении по отношению к длинной оси пластины, наискось. Такие резцы получили название по местонахождению Арая в Японии, где они впервые были описаны. В Устиновке, так же как в Дюктайской пещере в Якутии и на Верховенской Горе, такие резцы, а вместе с ними листовидные двусторонне ретушированные клинки сопровождаются нуклеовидными изделиями, получившими наименование гобийских нуклеусов (точнее — торцовых), хотя по функции они были скорее всего не нуклеусами-ядрищами, а своего рода скреблами или резцами. В слоях Черемуховой пади в МНР такие изделия характерны для финальных этапов этой уникальной хронологической колонки палеолитических отложений в долине Орхона. В Монголии известно и такое поселение (на горе Хере-уул в долине Халхин-Гола), где гобийские нуклеусы составляют основную часть каменного инвентаря.

Все это говорит о том, что имела место своего рода широкая интеграция культуры на заключительном этапе палеолита или мезолита Внутренней Азии — от Японии и Приморья до восточной Монголии. И не только Азии. Еще Н. Нельсон заметил, что гобийские нуклеусы составляют связующее звено между докерамическими культурами Аляски и Центральной Азии⁷. Не случайно, возможно, примерно в то же время, что и

⁷ N. C. Nelson. Notes on Cultural Relations between Asia and America. «American Antiquity». Vol. 2, № 4, N. Y. 1939; А. П. Окладников. Нельс Христиан Нельсон (па-

в Азии, около 10—11 тыс. лет назад, в Америке распространяется культура бродячих охотников фолзома, самым существенным и определяющим признаком которой служат именно такие наконечники, обработанные ретушью с обеих сторон.

Второй вариант мезолита Дальнего Востока представлен группой поселений на Амуре (у железнодорожного моста в Хабаровске, Сакачи-Алян) и на Уссури (Венюково). Здесь ведущими формами каменного инвентаря являются двусторонне ретушированные изделия из галек в виде рубящих изделий с желобчатым лезвием, обработанных не шлифовкой, а только ретушью. Второй элемент этого инвентаря составляют такие же двусторонне ретушированные клинки, преимущественно листовидные, во многом напоминающие клинки из верхнего горизонта Устиновки. Иногда у них имеется и черешок. Там же встречаются и специфические орудия из плоских галечек, один край которых с двух или с одной стороны превращен ретушью в острое лезвие; пластинчатые ножи с краевой ретушью, гобийские нуклеусы.

В неолитическое время складываются большие локальные культуры Северной Азии, которые, в свою очередь, могут быть иногда подразделены с разной степенью достоверности на более мелкие локальные варианты. И, что особенно важно с исторической точки зрения, большие провинции неолита и ранней бронзы (глазковская культура) Северной Азии могут быть связаны с позднейшими историко-этнографическими комплексами, в первую очередь — тунгусами и палеоазиатами⁸.

Внимание археологов в области изучения неолита за истекшие 10—13 лет было направлено главным образом на неолит Прибайкалья, Забайкалья и Дальнего Востока. Новые исследования на Ангаре, в районе строительства Братской и Усть-Илимской ГЭС (раскопки Р. С. Васильевского), Лене и на о. Ольхон (раскопки А. П. Окладникова) дали богатый материал, позволяющий расширить и углубить представления о развитии неолитической культуры и культуры раннего бронзового века Прибайкалья. Существенно, в частности, что впервые получены радиоуглеродным методом абсолютные данные китойских и глазковских погребений. Китойское погребение в Хужире (о. Ольхон) датировано самым началом IV тысячелетия до н. э., глазковское (в могильнике Обхой на р. Куленге, левом притоке Лены) — II тысячелетием до н. э.

Исключительные возможности для реконструкции идейного мира древних обитателей Сибири представляют наскальные изображения. Новый материал о них дали исследования в долине р. Лены, в ее верховьях, где ранее были изучены петроглифы Шишкинских скал. Тщательный осмотр скал красного песчаника на Лене и Куленге, в том числе на эффектном выходе скал в местности «Шаман-камень», дал обильный материал для понимания древнего искусства и культуры Ленского края и Восточной Сибири в целом. Таковы прежде всего изображения лосей, следующие друг за другом парами. Изображения эти, как правило, вышлифованы, чем и объясняется их сохранность. Ключ к датировке лосиных фигур и других более поздних изображений обнаружен на скале по правому притоку р. Тальмы, впадающей в Куленгу выше с. Усть-Тальма. Здесь

мнати исследователя археологии каменного века Центральной Азии). «Вопросы истории», 1966, № 12; И. П. Ларичева. Гобийские нуклеусы и проблема первоначального заселения Северной Америки. «История и культура Востока Азии». Т. I. Центральная Азия и Тибет. Материалы к конференции. Новосибирск. 1972, А. П. Окладников. Central Asia and Problem of Occupations American Continent by Man. «The Bering Land Bridge and its Role for the History of Holarctic Floras and Faunas in the Late Cenozoic». Khabarovsk. 1973.

⁸ Из числа крупных работ, выполненных ИИФФ по неолиту Сибири и ранней бронзе за последние годы, см.: А. П. Окладников, А. И. Мартынов. Сокровища тольских писаниц. М. 1972; А. П. Окладников. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). Новосибирск. 1974; его же. Петроглифы Байкала. Памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск. 1974.

обнаружен своего рода «палимпсест» из переслаивающихся рисунков различного времени.

Первыми к скале пришли люди, оставившие изображение лосей в технике шлифования серовского или более раннего времени. Затем здесь появились новые художники. Они по-своему обошлись с работами предшественников: заполнили красной охрой головы древних лосей и таким образом создали характерные парциальные изображения, одни только головы лосей. Головы эти такие же, как и парциальные головы лосей на каменных островах Ангары и как вырезанные из рога и зубов лося скульптуры в могильниках китайского типа. Той же красной краской выполнены здесь антропоморфные фигуры, профильные, полусидячие, как бы танцующие, с рогами на голове. Эти рисунки датированы совершенно точно. Среди них имеется изображение костяного идола, характерного для глазковского искусства Прибайкалья — безрукая фигура с овальной головой и нижней частью в виде острия. Так подтверждается предложенная ранее периодизация наскальных изображений, выявляются два ее пласта: первый, неолитический, — с лосями; второй, глазковский, или, судя по наличию парциальных голов лосей, раннеглазковский. Отсюда следует также, вопреки попыткам считать древнейшими памятниками неолита Прибайкалья китайские погребения, что китайские памятники непосредственно связаны с глазковскими. На той же тальминской скале имеется третий пласт изображений, налегающий на глазковско-китайские по времени антропоморфные изображения: примитивно выполненные выбивкой лосиные фигуры и человечки в рогатых головных уборах или с рогами на голове. Эти изображения, явно выбитые металлическим орудием, совпадают по стилю и сюжетам с рисунками на известной Воробьевской скале (верхняя Лена), где обнаружены также захоронения, своего рода оссуарий, датированный с помощью радиоуглеродного метода IX в. до н. э. Следовательно, это изображения позднего бронзового века Прибайкалья, синхронные карасукским памятникам или более ранним — скифским или киммерийским.

С большой энергией археологи занимались раскопками неолитических памятников Амура и Приморья. Неолит Дальнего Востока может быть расчленен по характеру памятников по крайней мере на три большие группы: верхнеамурскую, нижнеамурскую, собственно приморскую.

На Дальнем Востоке в изобилии встречаются неолитические поселения с огромными нередко жилищами типа полужемлянок. Страна неолитических землянок и обширных поселков, где жили десятки или сотни людей, начинается уже в устье р. Амазар и около Благовещенска. Таково, например, Новопетровское поселение (раскопки А. П. Деревянко), состоящее по крайней мере из полутора десятков домов, каждый из которых имел вырытый в земле котлован, прочные стены из поставленных стоймя бревен и крышу, засыпанную сверху для сохранения тепла землей или песком⁹. Чем дальше вниз по Амуру по направлению к океану (особенно ниже Хабаровска), тем гуще становятся такие поселки. Местами, например, на о. Сучу («Щучьем») у Маринска или в Кондоне около оз. Эворон они превращаются в настоящие городки каменного века, такие же, как «острожки» камчадалов, о которых писал видевший их своими глазами в расцвете каменного века С. П. Крашенинников¹⁰.

С оседлостью рыболовов следует связывать и особенности самого массового и важного для характеристики неолитических культур материала поселений — керамики. Древнейшая керамика на Амуре, за исключением сосудов позднего неолита в Сарголе (Кондон), которые явно принесены на Амур с Севера, в массе своей не остродонная, как в таежной

⁹ А. П. Деревянко. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск. 1970.

¹⁰ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.-Л. 1943, стр. 237.

зоне Восточной Сибири, а плоскодонная. Потребностями рыболовческого хозяйства объяснимы и некоторые специфические элементы каменного инвентаря неолитических поселений Амура, например, каменные кастеты-палицы, такие же, как у приобского неолитического населения, или ножи с выделенной рукоятью — «кнопкой», удобные для разделывания и чистки рыбы. В ряде случаев встречаются не только простейшие грузила для сетей в виде галек с перехватами-выбоннами, но и тяжелые грузила — «гири». Этих примеров достаточно, чтобы убедиться в том, какое определяющее влияние оказывало рыболовство специфического амурского типа на общий облик культуры племен Нижнего Амура.

Для неолита Приморья и отчасти Верхнего Приамурья (в отличие от Нижнего Амура) характерны следы земледелия. Большая, тщательно «прокованная» для удобства растирания зерна плита зернотерки, украшенная орнаментом, найдена, например, в одном из жилищ неолитического поселения на р. Мраморной. Там же, в неолитических жилищах, вместе со шлифованными топорами, кремневыми клинками и скребками оказались терочки-куранты характерной формы — в виде сегментов. Целая серия аналогичных курантов обнаружена при раскопках неолитических жилищ на поселении Оленсовхоз-1 у Владивостока. Со временем, с первыми признаками употребления металла (бронзы), в Харинской пади появляются первые куранты новой формы, ладьевидные.

Резко своеобразным штрихом жизни неолитических племен Дальнего Востока является искусство нижнеамурского неолита, не похожее ни на какое другое в Северной и Восточной Азии. Отлична прежде всего его орнаментика. Она имеет в основе не прямую линию, а кривую, завитки спиралей, сложную вязь «амурской плетенки». Особое внимание было уделено археологами уникальным памятникам древнего искусства Нижнего Амура, петроглифам в Сакачи-Аляне и у д. Шереметьевой на р. Усури. Древнейшие из них могут быть датированы мезолитом, а также неолитическим временем. В них с наибольшей силой выступают оригинальные черты духовного мира, мировоззрения и эстетических представлений первобытного населения Приамурья¹¹. К этому нужно добавить изучение петроглифов Забайкалья, Средней Лены, Байкала¹².

Раскопки неолитических поселений Приамурья дают представление и о последовательности смены культурных этапов, и о сложных взаимоотношениях различных по происхождению культур. Таковы многослойные поселения в Вознесенске, у г. Амурска, на о. Сучу и в Кондоне (раскопки А. П. Окладникова). На Среднем Амуре выявлено наличие разнохарактерных культур: новопетровской, громатухинской и осиноозерской¹³. Различие этих культур отражает сложность культурно-этнической истории Дальнего Востока. Но при этом рельефно выступает факт фундаментального значения: преемственность культуры от неолита до современных нанайцев, ульчей, нивхов (гиляков). Таким образом, становится очевидным, что предки этих народов жили на Амуре и в соседних с ним районах Дальнего Востока на протяжении многих тысячелетий.

Время перехода от камня к металлу отмечено в раскопках такими памятниками, как обширное поселение на сопке Харинской, серия поселений с древнейшими находками бронзовых изделий в районе оз. Эворон и в Кондоне. Эти памятники дают представление о двух вариантах куль-

¹¹ А. П. Окладников. Петроглифы Нижнего Амура. Л. 1971; его же. Петроглифы Байкала. Памятники древней культуры народов Сибири; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Петроглифы Средней Лены. Л. 1972.

¹² А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Петроглифы Забайкалья. Ч. I. Л. 1969; ч. II. Л. 1970; и х же. Петроглифы Средней Лены; А. И. Мазин. Наскальные рисунки Верхнего Приамурья (периоды неолита — раннего средневековья). Автореф. канд. дисс. Новосибирск. 1973.

¹³ А. П. Деревянко. Указ. соч.

туры бронзового века: северном, эвронском, и южном, типа поселений в Харинской пади.

Были произведены также раскопки памятников раннего железного века (А. П. Окладников, А. П. Деревянко). В Приморье самые древние памятники эпохи раннего железа представлены янковской культурой («культура раковинных куч») приморского характера (с наличием развитого рыболовства, морской охоты и земледелия). Имеются в этой культуре и зачатки скотоводства, в частности разведение одомашненной свиньи¹⁴. Вторая обнаруженная здесь культура раннего железного века носит теперь название кроуновской. Со временем она сменяется польцовской культурой. На Амуре начало железного века отмечено памятниками урильской культуры¹⁵. Она принадлежала оседлым земледельцам и скотоводам — современникам янковской культуры и, по-видимому, имела общее с последней происхождение, отличаясь рядом особенностей в керамике. Польцовская культура была распространена от Благовещенска до Комсомольска-на-Амуре и севернее.

В конце I тыс. до н. э. и начале I тыс. н. э. вплоть до VII в. в долине Амура, на территории Приморья и в соседней Маньчжурии широко распространяется культура мохэских и шивейских (на севере) племен. Оригинальная культура мохэ представлена в исследованиях археологов (Е. И. Деревянко) большими могильниками (например, Троицким на р. Зее у Благовещенска), а также многочисленными поселениями с землянками, в том числе укрепленными поселениями (Михайловское городище)¹⁶. В Приморье, а также в Северной Маньчжурии мохэские племена в VII в. н. э. создают первое государство тунгусоязычных племен — Бохайское королевство.

Среди немногочисленных еще, но ярких памятников бохайского времени в Приморье выделяется комплекс храма и укрепления с оградой в виде вала, укрепленного валунной обкладкой, у д. Борисовки вблизи Уссурийска. В развалинах храма, принадлежавшего, видимо, местной сельской общине или правителю небольшого провинциального округа, помимо обычных черепиц с бохайскими розетками, на концевых дисках найдены две уникальные бронзовые статуэтки (монах и чиновник), а также маскарон с изображением головы божества типа докшита и торс обнаженной сидящей фигуры.

Богатый вещественный материал получен при систематических раскопках обширных могильников чжурчженского времени в районе оз. Болонь, у с. Надеждинского в Еврейской АО, у поселка Смидовичи (А. П. Окладников, В. Е. Медведев). Выявлен сложный ритуал захоронения, собраны большие коллекции сосудов, а также металлических украшений и предметов быта. Восстановлены украшенные бляхами и подвесками, фигурными колокольчиками пояса чжурчженских воинов. Эти работы дают представление как о высокой материальной культуре и хозяйстве чжурчженей Приамурья, так и о духовной их культуре, шаманстве. Памятники чжурчженей замечательны и тем, что в них прослеживается определенная генетическая связь с позднесредневековой культурой аборигенов Дальнего Востока, тунгусоманьчжурских племен, в первую очередь нанайцев¹⁷.

¹⁴ Описание классического памятника янковской культуры дано: А. П. Окладников. Древнее поселение на п-ве Песчаном у Владивостока. МИА СССР, № 112, М. 1963.

¹⁵ А. П. Деревянко. Ранний железный век Дальнего Востока. Ч. I. Новосибирск. 1970; ч. II. Новосибирск. 1972.

¹⁶ Е. И. Деревянко. К вопросу о древних связях племен Дальнего Востока с кочевниками Центральной Азии во второй половине I тыс. н. э. «Известия» Лаборатории археологических исследований. Вып. 5. Кемерово. 1974; ее же. О погребальном обряде у мохэских племен (на примере Троицкого могильника). Там же.

¹⁷ А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток. 1959; егo же. Дальний Восток — колыбель древних культур. «Амур — река подвигов». Хаба-

Кроме Приамурья и Приморья, археологические исследования велись и на крайнем Северо-Востоке, Охотском побережье, Сахалине и Курильских островах (А. П. Окладников, Р. С. Васильевский, В. А. Голубев). Они позволяют значительно полнее, чем прежде, обрисовать прошлое этих районов Тихоокеанской области¹⁸. Становится возможным проследить сложные культурно-этнические отношения (айны, эскимосы, коряки и другие «палеоазиаты») на севере Тихого океана. В частности, это относится к так называемой «охотской культуре», которая все больше привлекает внимание советских и зарубежных, в первую очередь японских, исследователей.

Продолжались также исследования памятников позднего железного века за Байкалом (раскопки И. В. Асеева). Раскапывались кочевнические захоронения на Ононе, на берегах Байкала и о. Ольхон. В бассейне Ангары на горе Хашхай и на верхней Лене продолжалось изучение петроглифов (А. П. Окладников). Эти поиски дали свежий материал, позволяющий полнее представить жизнь, искусство и верования курыканских племен — предков бурят и якутов.

Такие же работы археологи в течение ряда лет вели на Алтае: раскопки захоронений ранних кочевников и древних тюркоязычных насельников Алтая, изучение петроглифов. Осуществлялись также раскопки памятников русской культуры XVII—XVIII вв., в том числе в Зашиверске, в бывш. Илимском остроге (Е. Ф. Седякина, В. И. Молодин). Эти раскопки существенно дополняют материалы письменных источников и позволяют полнее обрисовать жизнь и культуру первых русских насельников Сибири.

Исследования новосибирских археологов проводились в контакте с вузами Барнаула, Кемерова, Новосибирска, Читы, Иркутска, Благовещенска, Южно-Сахалинска, Хабаровска, с институтами естественного профиля, с Институтом геологии и геофизики СО АН СССР, Комплексным научно-исследовательским институтом в Хабаровске, Институтом геологии Бурятского филиала СО АН СССР, Институтом общественных наук в Улан-Удэ, музеями Благовещенска, Читы, Хабаровска, Южно-Сахалинска и других городов Сибири и Дальнего Востока.

Локальные исследования дополнялись работами более широкого общего профиля. В ИИФиФ СО АН ведется изучение каменного века и вообще ранней, а также средневековой истории Китая, Монголии, Кореи, Японии. Этой тематике посвящен ряд монографий и сборников¹⁹. Среди работ широкого профиля по палеолиту могут быть отмечены изданные сотрудниками института книги по искусству, по проблеме рационального содержания в мировоззрении палеолитического человека²⁰. Опубликованы получившие широкую известность научно-популярные статьи и кни-

ровск. 1970; В. Е. Ларичев. Тайна каменной черепахи. Документальная повесть об одном археологическом поиске. Новосибирск. 1966; его же. Путешествие в страну Восточных иноземцев. Новосибирск. 1973; А. П. Деревянко. В стране трех солнц. Рассказы археолога о древностях Приамурья. Хабаровск. 1970; его же. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск. 1973; А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток. 1973; А. П. Окладников, В. Е. Медведев. Чжурчжэни Приамурья по данным археологии. «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4(12).

¹⁸ Р. С. Васильевский. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск. 1971; его же. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск. 1973; А. П. Окладников, Н. А. Береговая. Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск. 1971.

¹⁹ А. П. Окладников. По следам первобытного человека. «Сибирские огни», 1965, № 10; его же. Центрально-Азиатский очаг первобытного искусства. Новосибирск. 1972; В. Е. Ларичев. Азия далекая и таинственная. Новосибирск. 1968; «Тибет и Центральная Азия». Новосибирск. 1972; А. Г. М а л я в к и н. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск. 1974.

²⁰ А. П. Окладников. Утро искусства. Л. 1967; «Первобытное искусство». Новосибирск. 1971; Б. А. Фролов. Числа в графике палеолита. Новосибирск. 1974.

ги по проблемам происхождения человека и историографии палеолита²¹. Археологи института принимали активное участие в работе различных научных симпозиумов и конгрессов, например, Хабаровского симпозиума (1972 г.) по проблемам древней берингийской суши и заселению Американского континента человеком.

В 1974 г. была осуществлена первая совместная экспедиция советских и американских археологов на Алеутские острова и Аляску (с советской стороны руководителем ее был А. П. Окладников, с американской — проф. В. Лафлин). Она способствовала углублению представлений о древнейших связях племен Азии и Америки, а также о роли Алеутских островов в заселении человеком Нового Света и об истории древней алеутской культуры²². В 1974 г. археологи ИИФиФ СО АН СССР побывали в КНДР, где при дружеской помощи корейских коллег ознакомились с археологией Кореи, в том числе с памятниками эпохи династий Когуре и Ли, посетили раскопки неолитического поселения и получили возможность сопоставить результаты этих исследований с работами советских археологов на Дальнем Востоке.

Важное место в жизни института принадлежит Музею истории и культуры Сибири, где экспонируются уникальные археологические и этнографические материалы от палеолита до XVIII—XIX вв. включительно. Музей, размещенный в помещении института, имеет в основе своей экспозиции идеи преемственности древних и современных культур, начиная с неолита, и прогрессивного развития народов Сибири, в том числе возникновения здесь ранних форм государственности.

Исследовательская работа по истории феодального периода, после издания «Истории Сибири», направлена на изучение истории хозяйственного освоения края русскими, поскольку именно хозяйственная деятельность русских поселенцев с XVII в. явилась основным фактором, ускорившим и определившим социально-экономическое и культурное развитие Сибири в целом. В рамках трех плановых тем («Экономическое развитие, управление и культура Сибири в период феодализма»²³, «Археология и источниковедение Сибири» и «История общественной мысли в Сибири в период феодализма») велось изучение истории сибирского города XVII—XVIII вв.²⁴, сельского хозяйства и аграрных отношений в Среднем Зауралье последней четверти XVIII — начала XIX в. и исторических аспектов русской культуры в Сибири XVII — начала XIX в.²⁵, общественного сознания различных социальных слоев русско-

²¹ А. П. Окладников. Фридрих Энгельс и археология. «Известия» СО АН СССР, 1971, № 6. Серия общественных наук. Вып. 2; В. Е. Ларичев. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. I—II. Новосибирск. 1969, 1972; его же. Охотники за черепами. М. 1971; его же. Недостоящее звено. Детективный роман археологии, составленный из невыдуманных историй. Новосибирск. 1973.

²² А. П. Окладников. Азия—Америка: древний мост. «Сибирские огни», 1973, № 11.

²³ Е. Трущенко. Новые открытия памятников русской литературы и письменности. «Вопросы литературы», 1972, № 4, стр. 250—251 (о выступлении акад. Д. С. Лихачева на заседании Президиума АН СССР 25 сентября 1971 г.).

²⁴ О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М. 1967; его же. Социальная структура сибирского города XVII в. «Известия» Сибирского отделения АН СССР, 1970, № 6. Серия общественных наук. Вып. 2; его же. Тобольск — административно-демографический, ремесленный и торговый центр Западной Сибири в XVII в. «Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. II. Новосибирск. 1971; «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири». Ч. I. Приангарье, Новосибирск. 1971; ч. II. Забайкалье. Новосибирск. 1975; «Вопросы истории Сибири досоветского периода: Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период)». Новосибирск. 1973; «Русское население Поморья и Сибири». М. 1973; А. Н. Копылов. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX вв. Новосибирск. 1974.

²⁵ А. П. Копылов. Русские на Енисее в XVII веке (земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда). Новосибирск. 1965; его же. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск. 1968; его же. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX вв.

го населения Сибири XVIII — первой половины XIX в., трудовых и бытовых традиций русского населения Сибири XVIII в., а также подготовка к академическому изданию сибирских летописей, сбор и археографическая обработка древнерусских рукописных и печатных книг.

С 1965 г. по предложению председателя Археографической комиссии АН СССР акад. М. Н. Тихомирова были начаты археографические экспедиции СО АН СССР. Так в Новосибирске был создан третий в стране центр археографических исследований. Значение его — не только в десятках экспедиций в самые труднодоступные уголки Сибири, не только в уникальных находках. Разработана новая методика полевой археографической работы применительно к сложной обстановке живого старобрядческого быта, действующих скитов, функционирующих книжных мастерских-скрипториев, где наблюдалась и фиксировалась древнерусская традиция создания книги. Осуществляется комплексное изучение различных реликтовых сторон культуры в этих районах. Участники экспедиций привозят оттуда не только книги, но и богатый этнографический материал, записи исполнения крюковой музыки, фольклора.

Развитие сибирской археографии помогло сделать новые шаги в изучении древнерусской литературы почти на всех ее узловых этапах — Киевской Руси (новые списки произведений писателей древности — Иллариона, Кирилла Туровского, Климента Смолятича, паремийные чтения о Борисе и Глебе); Московской Руси времени Дмитрия Донского и Ивана III («Сказание о Мамаевом побоище», новая редакция «Просветителя» Иосифа Волоцкого, цикл владимирских и московских житий, «Повесть о царице Динаре»); XVI в. (комплекс материалов о Максиме Греке, идеологической борьбе при Иване Грозном, московские повести); «нового периода» русской истории. Были изданы исследования Е. К. Ромодановской, посвященные развитию сибирской литературы XVII в., в том числе анализу самой яркой находки в этой сфере — «Синодика ермаковым казакам», из которого выросло сибирское летописание, и Сольвычегодского летописца с новым вариантом биографии Ермака²⁶.

В 1972 г. в Тюменской области в фондах музея и в частном владении была выявлена, передана целиком в государственные хранилища и описана коллекция редчайших старопечатных книг, включая славянские издания XV — XVI вв. Ш. Феоля (Краков), Ф. Скорины (Прага), македонских печатников (Венеция), И. Федорова (Острог), А. Невежи (Москва). Всего в 1971—1973 гг. археографы Института совместно с Государственной публичной научно-технической библиотекой (ГПНТБ) СО АН СССР и Новосибирским университетом провели 14 экспедиций, в результате которых приобретено рукописей XV в. — 2, XVI в. — 5, XVII в. — 3, XVIII в. — 20, последующего времени — 135, гектографов — 16; старопечатных книг XVI в. — 6, XVII в. — 46, XVIII в. — 17, последующего времени — 10. Из экспедиционных районов идут и многие текущие поступления ГПНТБ СО АН СССР — 33 рукописи и 175 старопечатных книг²⁷.

В ходе работ археографической лаборатории ИИФиФ (руководитель Н. Н. Покровский) выявлен теоретически важный факт широкого бытования на востоке страны в XVIII — первой половине XIX в. своеобраз-

²⁶ Е. К. Ромодановская. О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных литератур. «Исследования по языку и фольклору». Вып. 1. Новосибирск. 1965; ее же. Синодик ермаковым казакам (предварительное сообщение). «Известия» Сибирского отделения АН СССР, 1970, № 11. Серия общественных наук. Вып. 3; ее же. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск. 1973.

²⁷ «Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки». М. 1971; В. Н. Алексеев, Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская, Е. И. Дергачева-Скоп. Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР. «Археографический ежегодник за 1968 г.». М. 1970; Н. Н. Покровский. Методика комплексных археографических экспедиций (опыт экспедиций Сибирского отделения АН СССР). «Тихомировские чтения 1970 г.». М. 1970.

ной крестьянской письменности, обнаружена связь этой литературы с массовыми антицерковными выступлениями крестьян, с легендами о царе-антихристе, с бегством крестьян. Особенно знаменательно, что археографические экспедиции и дополняющая их работа в архивах подтвердили прозорливость многих положений демократической историографии прошлого века об антифеодальной идеологии русского крестьянства. В первую очередь это относится к трудам А. П. Шапова²⁸.

В деле коммунистического воспитания трудящихся важное место отводится, как известно, пропаганде памятников истории и культуры, без бережного отношения к которым, как отметил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, нельзя воспитать «у советских людей чувства гордости за свою Родину, за свой народ, за его великие свершения, чувства уважения к достойным страницам прошлого своей страны»²⁹. Большое значение имеет не только бережное отношение к памятникам истории и культуры Сибири (их сейчас выявлено свыше 1280, а поставлено на государственную охрану только около 200), но и работа по созданию Общесибирского историко-архитектурного музея (под открытым небом) ИИФФ СО АН СССР. В настоящее время в музее уже сосредоточено 15 архитектурных объектов, перемещенных из разных районов Сибири. Среди них такие жемчужины архитектурно-строительного искусства народов Сибири, как русская Спасо-Зашиверская церковь 1700 г., бурятский Гусиноозерский дуган, Қазымские сторожевые башни конца XVII — начала XVIII в., изба-клеть потомков И. Поломошного — сподвижника С. Дежнева, и другие. В четырех зонах музея будет развернута экспозиция, демонстрирующая поселения первого человека на территории Сибири, разнообразные жилища ее аборигенов, русскую заполярную Зашиверскую крепость и русскую сибирскую деревню (усадьбы, дома, хозяйственные постройки). Раскроется впечатляющая картина преемственности трудовых и строительных традиций, дружбы народов и культурного взаимодействия.

Во время работы над третьим томом «Истории Сибири» и позже публиковались «Материалы по истории Сибири». Цель этого издания — осветить слабоизученные вопросы на основе как опубликованных, так и архивных документов, впервые вводимых в научный оборот; выявить дискуссионные, спорные вопросы и коллективно найти более правильные пути их решения. Тематика сборников довольно разнообразна, они посвящены проблемам истории революционного и общественного движения, сельского хозяйства и крестьянства, промышленности и рабочего класса, культуры Сибири. Много внимания уделено в сборниках изучению экономических укладов сибирской деревни и их соотношению, торгово-капиталистическому и мелкотоварному производству крестьян, сельской торговле и кредиту, роли иностранного капитала в капиталистическом развитии сибирской деревни, классовому расслоению крестьянства и порайонным особенностям этого процесса. При этом используются новые статистические данные, обработанные на ЭВМ. В трудах этого направления теоретически обосновывается понятие «развитие капитализма вширь», показаны отличия Сибири от колоний западноевропейских государств.

«Материалы по истории Сибири» периода капитализма открываются статьей В. И. Дулова и Ф. А. Кудрявцева «В. И. Ленин о Сибири в эпоху капитализма». Рассматривая Сибирь как колонию царской России в экономическом смысле, авторы подчеркивают ее хозяйственное и политическое единство со всей страной. На основе ленинских высказываний изучается процесс разложения сибирского крестьянства уже в конце XIX в.

²⁸ Н. Н. Покровский. К изучению памятников протеста крестьян-старообрядцев Западной Сибири XVIII в. «Бахрушинские чтения 1971 г.». Новосибирск. 1972.

²⁹ «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. 1. М. 1971, стр. 75.

и выявляются такие особенности Сибири, как отсутствие помещичьих хозяйств, большой фонд свободных земель и распространение захватного землепользования, широкое применение зажиточными старожилками дешевого труда ссыльно-поселенцев, новоселов и представителей коренных народов Сибири. Крепостнический характер поселенческой политики самодержавия, пережитки феодализма в Сибири, наиболее сильно проявившиеся в районах кабинетского землевладения, и тяжелый капиталистический гнет обусловили рост революционного движения в Сибири как и во всей стране³⁰. В историографической работе Л. М. Горюшкина³¹ характеризуется ленинская концепция аграрного развития края, открывшая качественно новый этап в изучении проблемы, и на этом фоне раскрывается научная несостоятельность дворянского, буржуазного и мелкобуржуазного направлений в историографии Сибири.

На обсуждение поставлены вопросы о кризисе феодальных отношений в Сибири накануне 60-х годов XIX в. и его проявлениях, характере реформы и ее влиянии на развитие края. В ходе дискуссий определились две точки зрения. Одни исследователи, ссылаясь на источники законодательного характера, утверждали, что «система государственного феодализма» в Сибири господствовала до 1917 г., а феодально-крепостнические пережитки были сильнее, чем в центре страны. Другие, рассматривавшие результаты реформы в тесной связи с конкретными данными о развитии капитализма вширь, колонизацией и переселенческим движением, пришли к выводу о более свободных условиях для развития аграрно-капиталистических отношений в Сибири по сравнению с помещичьими районами центра России. Во всяком случае, даже при наличии пережитков феодализма, в Сибири накануне 1917 г. господствовали мелкобуржуазные и буржуазные отношения.

Одно из центральных мест в дискуссиях занял вопрос о характере аграрно-капиталистической эволюции в Сибири³². Исследователи не ограничились постановкой вопроса, а предприняли попытки методологического обоснования, анализа большого фактического и статистического материала об аграрно-капиталистической эволюции в Сибири и России в целом. Дискуссия, возобновленная по инициативе сибирских историков, вышла за рамки Сибири и была продолжена на страницах центральной печати³³.

При анализе материалов по истории промышленности и пролетариата Сибири периода капитализма главное внимание было уделено влиянию Сибирской железной дороги на экономику края, промышленному перевороту и формированию пролетариата. Рассматривая сооружение Транссибирской магистрали во взаимосвязи с экономическим и политическим развитием России, назревшим переходом ее к империализму, историки раскрыли многостороннее и противоречивое влияние железной дороги на развитие Сибири. Сибирская магистраль способствовала раз-

³⁰ «Материалы по истории Сибири. Сибирь периода капитализма». Вып. 1. Предпосылки Октябрьской революции в Сибири. Новосибирск. 1964; вып. 2. Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск. 1965; вып. 3. Общественно-политическое движение в Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск. 1967.

³¹ Л. М. Горюшкин. Историография проблемы аграрного капитализма в Сибири в конце XIX в.— начале XX в. «Материалы по истории Сибири. Сибирь периода капитализма». Вып. 2.

³² В. И. Дулов, В. Г. Тюкавкин. О путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири. «Вопросы истории», 1964, № 4; В. Г. Тюкавкин. Сибирская деревня накануне Октября. Новосибирск. 1966; Л. М. Горюшкин. Об освещении в советской исторической литературе вопроса о путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Томск. 1965; его же. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск. 1967.

³³ И. Д. Ковальченко. Аграрный рынок и характеристика аграрного строя Европейской России в конце XIX — начале XX века. «История СССР», 1973, № 2.

виту капитализма вширь, усилению переселенческого движения и колонизации края, укреплению экономических связей Сибири с российским и мировым рынками, притоку капиталов и т. д. Но она не ликвидировала промышленной отсталости края и широко использовалась имущими классами для выкачивания сырья из Сибири и усиления эксплуатации трудящихся масс. Транссибирская магистраль подтолкнула промышленный переворот в Сибири, но в целом, как это признается большинством исследователей, он так и не завершился здесь вплоть до 1917 года. Преобладающим оставались в Сибири низшие формы промышленности. В начале XX в. происходит монополизация производства, прежде всего в горной и горнозаводской отраслях.

Сибирский отряд промышленного пролетариата начал формироваться еще в дореформенные годы (феодално зависимые и вольнонаемные рабочие кабинетских, казенных и посессионных предприятий). В пореформенный период он пополнялся главным образом за счет государственных крестьян, разорившихся в процессе классового расслоения деревни и податного гнета. Специфическим для Сибири источником формирования рабочих кадров была ссылка. После сооружения Сибирской железной дороги, ускорившей процесс складывания пролетариата, основными источниками рабочей силы становятся бедняки переселенцы и отходники из Европейской России. Эти обстоятельства сказались и на составе рабочих. В основной своей массе это были сезонники, еще сохранявшие связь с сельским хозяйством. Вместе с тем численность кадровых рабочих, в первую очередь на железных дорогах, постепенно увеличивалась, а концентрация пролетариата в Сибири была довольно высокой. Несмотря на сравнительную немногочисленность и продолжавшийся процесс формирования, сибирский отряд рабочего класса был мощной силой, способной возглавить борьбу трудящихся края против самодержавия и капиталистов. Это подтверждает опыт революционных боев 1905—1907 годов.

В исследованиях по периоду капитализма центральное место занимает проблема общественного и революционного движения, роли в нем рабочего класса. Она изучается в тесной связи с общерусским освободительным движением, с историей сибирской политической ссылки, в частности с деятельностью польских ссыльных революционеров. Такой подход, а также привлечение новых архивных материалов позволили дать более правильную оценку раннего областничества, во многом принципиально отличавшегося своими прогрессивными тенденциями от поздних областников, целиком вставших со временем на позиции контрреволюции. Прогрессивные тенденции ранних областников с особой силой обнаруживаются, например, в мировоззрении и деятельности таких видных представителей старой сибирской интеллигенции, как Н. М. Ядринцев, первый крестьянский историк России А. П. Шапов или С. С. Шашков — защитник и друг малых народов Сибири, подвергавшихся чудовищной по формам и масштабам эксплуатации со стороны купцов и царизма³⁴.

Наряду с этим характеризуется рабочее движение в Сибири на разных этапах его развития, исследуются малоизученные связи сибирских комитетов РСДРП с ленинской «Искрой», политическая борьба М. В. Петрашевского в сибирской ссылке. В «Материалах по истории Сибири» поставлены интересные с научной точки зрения вопросы о роли народной инициативы в борьбе за просвещение сибирской деревни, о влиянии первой мировой войны на сельское хозяйство и положение местного крестьянства.

Историки Сибири раскрывают теснейшую взаимосвязь социально-экономических процессов в центре страны и в Сибири, обусловленную

³⁴ Ю. С. Постнов. Его называли заступником народным. «Алтай», 1972, № 4.

общностью политического, культурного развития и революционной борьбы трудящихся масс России, в том числе Сибири против общего врага — самодержавия, помещиков и капиталистов. В начале XX в. на сибирской окраине также имелись предпосылки буржуазно-демократической революции, а к 1917 г. сложились условия для социалистической революции. Вместе с ко всей страной Сибирь была охвачена пожаром революционной борьбы против самодержавия и капиталистического гнета. Разумеется, это не отрицает, а наоборот, предполагает учет местных особенностей Сибири периода капитализма как окраины России, где развитие капитализма шло вширь.

Впервые в обобщенном виде история всех сибирских народов и народностей в едином общеисторическом процессе была раскрыта в «Истории Сибири». Дальнейшее углубленное изучение эта тематика получает в специальных работах локального характера. Примером в этом отношении служат глубокие исследования З. В. Гоголева о социально-экономическом развитии Якутии. В его монографии³⁵ освещены новые социальные и экономические явления, возникшие на фоне традиционных хозяйственно-культурных комплексов. Исследованы своеобразие земельных отношений, особенности вызревания капиталистического уклада и социального расслоения населения, возникновение пролетариата; анализируется колониальная политика царизма, формы эксплуатации и классовой борьбы, роль политической ссылки в революционно-освободительном движении. Комплексное исследование позволило поставить «стыковые» вопросы о взаимовлиянии социально-экономических, общественно-политических и культурных процессов и явлений.

Вопросы истории сибирской деревни и крестьянства периода капитализма исследовались в тесной связи с аграрной революцией в Сибири. Этот прием представляется плодотворным с методологической и методической точек зрения, ибо позволяет через призму аграрных преобразований первых лет Советской власти судить о соотношении укладов в деревне, степени классового расслоения крестьянства, соотношении двух социальных войн в деревне и др. В процессе изучения аграрной истории Сибири возникла необходимость методологического анализа проблем развития капитализма вширь и социальной структуры крестьянства. Теоретическую основу для такого анализа дают труды В. И. Ленина. Ленинские принципы изучения классового расслоения крестьянства, комплексного исследования социально-экономических процессов и явлений с учетом всех отношений и форм хозяйства, разложение крестьянства в различных районах Сибири, численность наемных рабочих в сибирской деревне накануне первой мировой войны — все эти сюжеты получили освещение в ряде статей³⁶. При исследовании указанных проблем выясняется также роль крестьянской общины в аграрно-капиталистической эволюции, в частности ее влияние на развитие маслодельной кооперации в крае. Применительно к Сибири неразрывная взаимосвязь сельского хозяйства с промышленностью исследовалась по трем направлениям: промышленность как потребитель сельскохозяйственного сырья; промышленное население как потребитель сельхозпродуктов; крестьянство как источник пополнения рабочих кадров. Социально-экономическое развитие существенно влияло на формы классовой борьбы в деревне. В связи с этим была предпринята попытка показать особенности крестьянских

³⁵ З. В. Гоголев. Якутия на рубеже XIX и XX вв. Новосибирск. 1970.

³⁶ Л. М. Горюшкин. Сибирское крестьянство в эпоху капитализма (проблемы и основные направления исследования). «Проблемы истории советского общества Сибири». Вып. II. Крестьянство Сибири в досоветский период. Новосибирск. 1970; его же. В. И. Ленин о стаях, широте и степени разложения крестьянства России в пореформенный период. «Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». Вып. II. М. 1972.

выступлений в Сибири в 1917 г., перерастание их весной того же года в аграрную революцию и соотношение форм движения на разных этапах эволюции в деревне. Особое внимание обращалось на разработку методики подсчета крестьянских выступлений, представленных в виде хроники по Тобольской губернии за 1917 год. Крестьянское движение изучалось также во взаимовлиянии его с политикой Временного правительства в сибирской деревне³⁷.

Наиболее крупные силы ученых сосредоточены на разработке проблем истории Советской Сибири. Традиционная для сибирских историков тема «Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Сибири» представляет поистине неиссякаемые исследовательские возможности. С каждым годом расширяется круг занятых ею историков. В тесном контакте с институтом плодотворно работали по данной теме историки старшего поколения: Ф. А. Кудрявцев, А. И. Новгородов, И. М. Разгон, Г. Е. Рейхберг, П. Т. Хаптаев, М. М. Шорников, а также более молодые, но уже известные специалисты В. Т. Агалаков, Л. И. Боженко, Д. М. Зольников, В. А. Кадейкин, чл.-корр. АН СССР А. И. Крушанов, М. Е. Плотникова, М. Б. Шейнфельд, Б. М. Шерешевский и другие. Статьи, сообщения, рецензии ученых, разрабатывающих проблемы истории становления Советской власти и вооруженной борьбы с интервентами и белогвардейщиной, неоднократно печатались в «Известиях» СО АН СССР и других изданиях института. Из крупных работ на эту тему могут быть выделены монографии А. И. Новгородова и В. С. Познанского³⁸. В этих многоплановых капитальных работах подведен итог многолетним спорам по принципиальным вопросам, дана критика попыток обелить анархистскую партизанщину и открытых врагов Советской власти, областников-потанинцев и буржуазных националистов. Удачным оказался первый опыт издания научно-популярной литературы по истории Великого Октября и гражданской войны в Сибири. Написанная живо и образно книга о герое-патриоте, бывшем царском генерале А. А. Таубе³⁹, который весной 1917 г. перешел на сторону революционного пролетариата и погиб в борьбе за Советскую власть, получила широкий отклик советской общественности, что нашло свое выражение, в частности, в многочисленных рецензиях.

Исследования послеоктябрьского времени ведутся по четырем главным направлениям: история промышленного освоения Сибири, формирование и развитие рабочего класса; история крестьянства и сельского хозяйства; история культурного строительства; история национально-государственного строительства и национальных отношений.

История рабочего класса Сибири — тема, всегда привлекавшая внимание историков советского периода. В работах А. С. Московского, З. Г. Карпенко, И. И. Комогорцева и других показано, как совершалось социалистическое преобразование Сибири, как в ходе его происходило дальнейшее формирование сибирского отряда рабочего класса, как шел неукротимый его количественный и качественный рост, как создавались кадры рабочего класса в национальных районах Сибири⁴⁰. В ряде работ на основе обобщения и анализа большого документального матери-

³⁷ Л. М. Горюшкин. Проблемы истории крестьянства Сибири в период Октября и гражданской войны. «Известия» СО АН СССР, 1970, № 6. Вып. 2; его же. Об этапах аграрной революции в Сибири. «Историческая наука в Сибири за 50 лет». Новосибирск. 1972.

³⁸ А. И. Новгородов. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. М. 1969; В. С. Познанский. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. М. 1973.

³⁹ В. С. Познанский. Сибирский красный генерал. Новосибирск. 1972.

⁴⁰ А. С. Московский. Рабочий класс Западной Сибири в годы первой пятилетки. Новосибирск. 1964; его же. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск. 1968; И. И. Комогорцев.

ла выявлено состояние сибирской промышленности после гражданской войны, накануне перехода к мирному строительству; рассмотрен ход восстановления и реконструкции промышленных предприятий, транспорта, развития сибирской индустрии в годы первых пятилеток.

Важное место в исследованиях по истории промышленности и рабочего класса занимает проблема электрификации Сибири. В работах В. В. Алексеева⁴¹ показано осуществление идей В. И. Ленина об электрификации, выполнение плана ГОЭЛРО по Сибири и дальнейшее использование ее богатейших водных и топливных ресурсов. Автор выясняет значение электрификации для социалистической реконструкции народного хозяйства, выявляет ее социально-экономические последствия. Развитие электроэнергетической промышленности, формирование и рост энергетиков как одного из многочисленных отрядов рабочего класса автор прослеживает на протяжении всего советского периода. В таком плане история электрификации Сибири изучена впервые.

Внимание историков привлечено и к таким проблемам, как подъем культурно-технического уровня и материального благосостояния рабочих, трудовая активность и творческая инициатива сибирского отряда советского рабочего класса в борьбе за победу социализма, рост политической активности рабочих как строителей нового общества. Разрабатывая проблематику истории рабочего класса Сибири в годы Великой Отечественной войны, историки широко освещают ускоренное освоение ее естественных ресурсов и развитие промышленности и народного хозяйства в целом на востоке страны; характеризуют сдвиги, которые произошли в это время в экономике края, в составе его рабочего класса; значение героического труда рабочего класса Сибири в деле победы над врагом. Анализируя роль сибирского тыла в ходе Великой Отечественной войны, вклад трудящихся Сибири в борьбу против фашистской Германии и милитаристской Японии, историки показывают, что единство армии и народа явилось залогом победы.

Период развитого социализма закономерно занимает наиболее важное место в работах историков, изучающих ведущую роль советского рабочего класса на примере Сибири. Ему, его истории, проблемам индустриального развития края в условиях развитого социалистического общества посвящены, кроме указанных выше книг, и другие издания⁴². В них на основе материала, зачастую впервые введенного в научный оборот, показана созидательная деятельность рабочего класса, ученых, научно-технической интеллигенции в освоении природных богатств Сибири, создании материально-технической базы коммунизма. В этих работах рассмотрен рост производственной активности рабочих, инженерно-технических работников, участие их в социалистическом соревновании, развертывании движения за коммунистическое отношение к труду, техническом творчестве. Большое внимание уделено историками вопросам научно-технического прогресса в народном хозяйстве Сибири и роли в нем ученых Сибирского отделения АН СССР, их новаторским методам в укреплении связи науки с производством. Детально рассматриваются изменения численности и состава рабочего класса, источники и формы его пополнения в современных условиях. Результаты этих исследований имеют не только

Сибирь индустриальная. Новосибирск, 1968; его же. Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма (1959—1965 гг.). Новосибирск, 1971; его же. Созидатели. Новосибирск, 1973, и др.

⁴¹ В. В. Алексеев. Сто сибирских ГОЭЛРО. Очерк истории электрификации Западной Сибири. Новосибирск, 1970; его же. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 1. 1885—1950 гг. Новосибирск, 1973.

⁴² И. И. Комогорцев, Н. С. Тарасов. Забайкальские металлурги. Чита, 1961; И. И. Комогорцев. Путешествие в страну новостроек. Новосибирск, 1964; «Рабочий класс Сибири в условиях развитого социализма». Красноярск, 1974, и др.

теоретическое, но и практическое значение, так как помогают партийным, государственным и хозяйственным органам Сибири определить наиболее эффективные источники и формы пополнения рядов рабочего класса и обеспечения народного хозяйства рабочей силой.

В работах И. И. Комогорцева показаны роль рабочего класса в капитальном строительстве, осуществляющемся в Сибири в гигантских размерах, в создании новых и развитии традиционных отраслей ее промышленности; формирование и рост отраслевых отрядов рабочего класса. Автор рассматривается широкий круг вопросов, характеризующих рабочий класс и промышленность Сибири на современном этапе, определяются численность и состав рабочего класса, прослеживаются изменения в его социальной структуре, повышение его общественно-политической активности, выявляются как общие закономерности, так и региональные особенности проявления этих важных исторических процессов. В тех же работах охарактеризована ведущая роль рабочего класса в коммунистическом строительстве и ускоренном освоении природных богатств Сибири, освещается деятельность рабочего класса по укреплению союза с крестьянством, управлению государством и в других областях жизни советского народа в условиях развитого социалистического общества.

Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Сибири рассматриваются в монографиях Н. Я. Гущина и в исследованиях других сотрудников института. В них показано кооперативно-колхозное и совхозное строительство, классовые отношения и классовая борьба, коренные изменения социально-экономических отношений в сибирской деревне в результате победы социализма, пути и методы ликвидации кулачества. В работах Н. Я. Гущина⁴³ раскрываются как общие черты, так и особенности социально-экономического развития крестьянства Сибири. Автор проанализировал и обобщил богатый фактический материал, характеризующий революционные преобразования в сибирской деревне, осуществленные на основе коллективизации; дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства в Сибири — одном из важнейших сельскохозяйственных районов страны.

Во многом по-новому полно и глубоко исследуется история культурного строительства в Сибири, о чем свидетельствуют монографии В. Л. Соскина⁴⁴. В первой из них дается картина развития культуры края за первые три с лишним года Советской власти, наряду с общими чертами выявляется и специфика культурного строительства в Сибири, формы организации народного образования, идеологической борьбы, которые изменялись в тех конкретно-исторических условиях. Во второй освещается культурное строительство в Сибири в период новой экономической политики, острая идеологическая борьба того времени. Работы В. Л. Соскина в целом раскрывают одну из важнейших сторон социалистических преобразований в Сибири в первый период Советской власти.

В проблематике научных исследований по советской тематике важное место занимают вопросы национальных отношений, история национальных районов Сибири. Так, З. В. Гоголев⁴⁵, рассматривая основные аспекты социально-экономического развития Якутии, выявил как общие, характерные, так и специфические его черты. Он внимательно рассмотрел историю коллективизации в Якутии, по-новому осветил вопросы

⁴³ Н. Я. Гу щ и н. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926—1933 гг.), Новосибирск. 1972; его же. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск. 1973.

⁴⁴ В. Л. С о с к и н. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 — начало 1921 гг.). Новосибирск. 1965; его же. Культурная жизнь Сибири в первые годы новой экономической политики (1921—1923 гг.). Новосибирск. 1971; его же. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск. 1973.

⁴⁵ З. В. Г о г о л е в. Социально-экономическое развитие Якутии (1917—1941 гг.). Новосибирск. 1972.

развития промышленности, а также коренные изменения в социальной структуре этого края на разных этапах строительства социализма. В монографии говорится о коренных изменениях в производственных отношениях, происшедших в Якутии в ходе социалистического строительства. Автор доказывает, что в результате социально-экономических преобразований народы Якутии при всесторонней помощи других народов СССР, и в первую очередь великого русского народа, совершили переход от патриархально-феодальных отношений к социалистическим.

Собранные З. В. Гоголевым документальные материалы и выводы его работ ценны и тем, что они противостоят утверждениям об отсутствии в Якутии социально-экономической почвы для буржуазного национализма. Хотя в Якутии, как и в других районах Севера, к моменту социалистической революции господствовали отсталые патриархально-феодальные отношения, а после Великого Октября она пошла в целом по некапиталистическому пути, было бы неправильно абсолютизировать господство патриархально-феодальных отношений и отрицать наличие в крае элементов капитализма, а следовательно, существование буржуазной прослойки и соответствующей буржуазно-националистической идеологии. Влияние последней вполне закономерно обнаруживается поэтому и в дореволюционной Якутии и в последующей классовой борьбе во время Октябрьской революции и гражданской войны. Рупором такой идеологии служила националистически настроенная интеллигенция, которая пыталась использовать в своих целях темноту и отсталость крестьянских масс.

Исторические факты наглядно показывают, что при всей своей отсталости далекая якутская окраина вовсе не была изолирована от остальной России, что она испытывала влияние не только русской буржуазии в лице ее идеологов, кадетов и эсеров, но и русского рабочего класса, влияние в том числе рабочих Ленских золотых приисков, передовых русских людей, в первую очередь революционеров, соратников В. И. Ленина. Такова реальная диалектика истории, диалектика классовой борьбы. Факты показывают, что невозможно было преуменьшить влияние русского рабочего класса и его авангарда — большевистской партии, отгородить Якутию своего рода «китайской стеной» отсталости от общего хода революционного развития России, изолировать этот край от влияния Великого Октября. И, конечно же, классовая борьба в Якутии, такие явления, как контрреволюционный бандитизм тойонов и русских белогвардейцев, не были какой-то вынужденной реакцией на деятельность отдельных представителей Советской власти, якобы чуждых якутской действительности, не понимавших ее. Русский рабочий класс, его передовой отряд — большевистская партия — в трудные для Якутии годы борьбы с тойонами, националистами и белогвардейцами, пришли на помощь трудящимся Якутии и героически боролись вместе с ними за власть Советов, за социализм под руководством В. И. Ленина. Такова правда истории. В капитальных работах З. В. Гоголева и А. И. Новгородова, а также в ряде статей, опубликованных за последние годы в «Известиях» СО АН СССР содержится обильный материал, свидетельствующий о том, что в Якутии, как и вообще в РСФСР, шла борьба классовая, что трудящиеся Якутии в этой борьбе боролись за социализм под руководством большевистской партии.

Таковы вкратце некоторые данные о работе историков Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Как работа над «Историей Сибири», так и научные симпозиумы служат свидетельством совершенствования и роста исторических кадров Советской Сибири, выравнивания исторического фронта в масштабе страны. Теперь уже не приходится говорить о каком-то значительном отставании и «провинциализме». В Сибири ведется серьезная творческая работа. Местные кадры историков в содружестве с работниками центральных учреждений спо-

собны решать большие и сложные задачи. Речь идет теперь уже не только о профессиональных историках в собственном смысле слова, не только о специалистах, работающих в академических институтах и вузах, но и о небывалом прежде расширении круга исследователей за счет партийных и советских работников, пропагандистов, учителей школ, рабочего и колхозного актива. Для них участие в деятельности историков стало необходимостью, весьма эффективной формой повышения профессиональной квалификации и творческого роста. О таком расширении диапазона деятельности историков в прежнее время приходилось только мечтать. В этом можно видеть подтверждение того, что историческая наука занимает все более видное место в идеологической работе нашего времени, что она, вторгаясь в жизнь, входя в практику советской и партийной работы, становится все более осязаемой силой в социалистическом строительстве.

В этой связи перед историками Сибири встают новые актуальные проблемы, такие, как проблема Байкало-Амурской магистрали. В настоящее время Институт истории, филологии и философии намечает в общем комплексе исследований Сибирского отделения широкую разработку социальных проблем БАМа, истории и культуры этого обширного района, где историков, археологов и этнографов ожидают новые интересные перспективы, а может быть, и открытия.

Речь идет, следовательно, не только о прошлом, но и о настоящем и о будущем Сибири — Северной Азии.

На развитии исторической науки в Сибири, на разработке проблем истории этого края благотворно сказываются общий экономический, политический и культурный рост Сибири в эпоху развитого социализма, постоянная забота Коммунистической партии и Советского правительства об ускоренном развитии восточных районов СССР, о повышении их роли в строительстве коммунистического общества в нашей стране.
